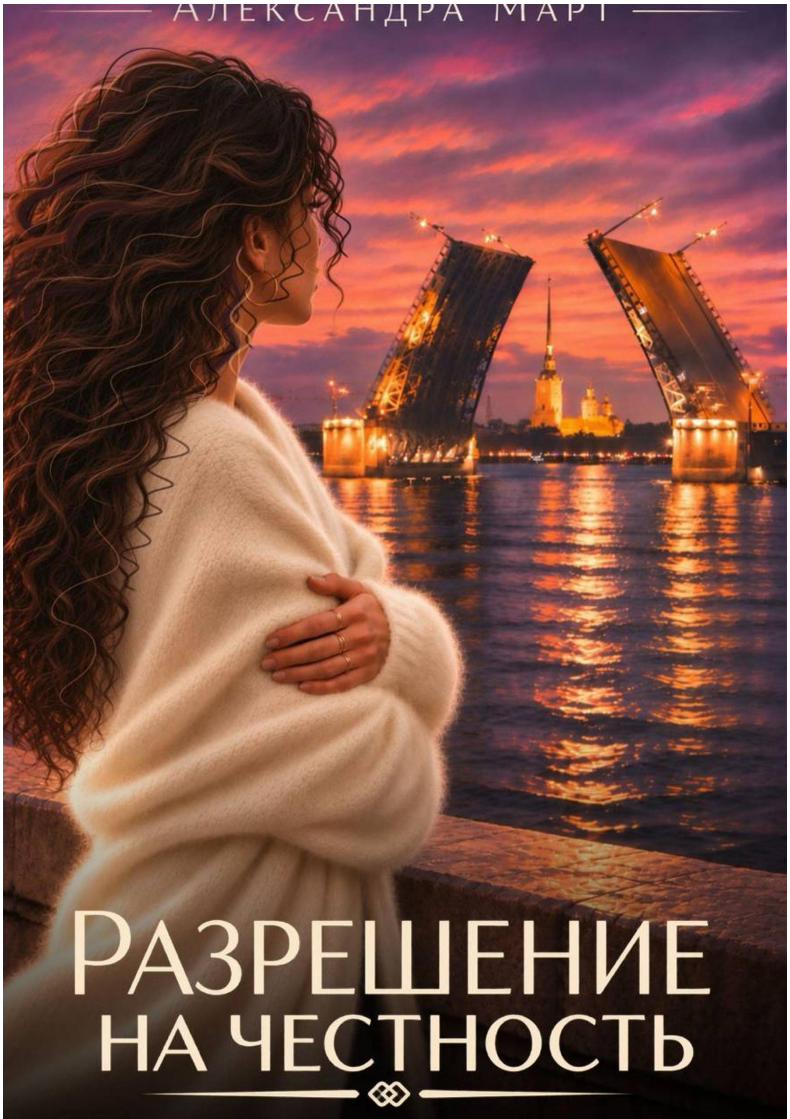

АЛЕКСАНДРА МАРТ
РАЗРЕШЕНИЕ
НА ЧЕСТНОСТЬ

Александра Март

Разрешение на честность

https://litres.ru/74859998
SelfPub; 2026

Аннотация

Я — «железная леди», привыкшая побеждать. У меня есть секрет, который нельзя раскрывать. Никогда. Потому что он в прошлом. Но прошлое возвращается — вместе с бывшим мужем и его предательством, которое разделило мою жизнь на «до» и «после». И теперь мне предстоит очная ставка с самым опасным человеком — с самой собой.

А ещё есть он — тот, кто слишком внимательно смотрит на женщину, которой я стала, и слишком хорошо помнит ту, которой я была. Передо мной стоит выбор останься в броне или получить "разрешение на честность".

Александра Март
Разрешение на честность

ПРОЛОГ.

Через минуту завибрировал телефон. Входящий — «Саша Борисов».

— Марго, привет.

— Привет.

— Как твое самочувствие?

— Прекрасно, — бодро солгала я.

— А ты как после вчерашнего поединка?

— Поединка? — я чуть не поперхнулась водой.

— Да-а-а… — протянул он самодовольно. — Ты своим величием просто снесла твоего бывшего и Ленку. Они после вашего танца довольно быстро напились и смылись.

— Я вчера вечером уже пожалела, что приехала.

— А-ха-ха! — раздался его оглушительный, заразительный смех. — Не-е-ет, Марго. Это они пожалели, что приехали.

— Сань, можно тебя… — я расплылась в самодовольной улыбке, и меня осенило, — попросить об одолжении?

— Валяй.

— Отвези меня в лес. Нужна только лопата.

В трубке повисла пауза.

— Э-э-э… А что ты задумала, Пелевицкая?

— Похороны устроим, — произнесла я, не скрывая насмешливого тона.

Часть I. БРОНЯ

Глава 1. Примерка

Я замерла на низком помосте, затянутая в холодный и скользкий, как вода, шелк, пока моя швея Настя крутилась вокруг с булавками в зубах. Ее пальцы, ловкие и точные, приталивали ткань на моих боках, и в зеркале проступал мой новый, еще незнакомый силуэт. Каждое прикосновение иглы было едва слышным щелчком, вбивающим меня в реальность этого платья. С каждым движением платье обретало форму, а я — забытое чувство изящества.

— Ты будешь самой красивой на встрече, — уверенно заявила она, отходя на шаг, чтобы оценить пропорции. Ее взгляд был прищурен, сосредоточен — взгляд настоящего мастера, видящего не тело, а будущий образ.

— Да уж… Не сомневайся, — фраза сорвалась с моих губ легко, сопровождаемая отработанной улыбкой. Внутри же отозвалось тихой гордостью за каждый час, проведенный в спортзале, за каждую каплю пота, превращенную в силу. — Помнишь меня десять лет назад? — спросила я, ловя ее

взгляд в отражении.

— Да… Помню… — Настя отвела глаза, ее пальцы на мгновение замерли, поправляя невидимую складку. Губы сжались в тонкую ниточку, выдав мимолетную неловкость. Но она была слишком мудра, чтобы вспоминать прошлое. — О Марго, я так тебе благодарна, что ты ко мне ходишь все эти годы. Ты только представь, сколько мы знакомы? Мне кажется, мы с тобой прожили целую жизнь.

— Мы познакомились, когда я искала портного для свадебного платья. Боже, как это было давно… Словно в другой вселенной.

Мы никогда не переходили личных границ и не были близкими подругами. Но спустя долгие годы и десятки сшитых нарядов между нами возникло что-то вроде духовного родства.

Я всегда любила выделяться, чтобы вещи сидели безупречно, подчеркивали фигуру, но не стесняли движений. Ценила качественную ткань и ту самую «изюминку», которую не купишь в масс-маркете. Да и сшитое на заказ служит верой и правдой годами, почти не выходя из моды. Поэтому Настя — мой портной уже много-много лет.

Она — опытный мастер, ей слегка за сорок, и она прекрасно выглядит. Мне всегда нравилось в ней то, что она «сапожник с сапогами»: сама носит то, что создает. Когда-то я,

перешерстив все соцсети в поисках того самого мастера для свадебного платья, наткнулась на ее профиль. Меня зацепило именно это: Настя демонстрировала наряды, сшитые не только для клиентов, но и для себя. Ее стиль, ее мышление в создании образов резонировали с моим. Словно я нашла родственную душу. И смело доверила ей тогда самое важное — свое свадебное платье.

— У тебя шикарная фигура, и эту фигуру ничем не испортишь. Мы просто подчеркнули женственность, — ее голос вернул меня из прошлого. Она стояла, поглаживая свой лоб, и смотрела на результат своих трудов с профессиональным удовлетворением, как скульптор на удавшуюся работу.

— Женственность… Да я и забыла, когда в последний раз надевала платье, — я на мгновение ушла в себя, пытаясь вспомнить. Память выдавала лишь череду брюк, пиджаков, строгих линий. — Я все-таки «женщина-брюки», — рассмеялась я, словно оправдываясь. — А тут решила, что хочу платье.

— Вот и правильно. С такой роскошной фигурой прямиком на подиум. Мне одно удовольствие для тебя шить, — в ее глазах вспыхнули искорки восхищения и предвкушения от предстоящей работы.

Настя скрылась в глубине ателье и вернулась, неся в руках огромный, почти живой цветок из того же шелка. Он был

похож на застывшее пламя.

— Посмотри, какой шикарный пион получился! — воскликнула она. — Пришью его на плечо, чтобы создать акцент не только на спине, но и спереди. Придадим образу пикантности.

— На каком плече? — спросила я, и голос мой дрогнул, выдав внутреннюю тревогу. Я инстинктивно отвела взгляд от зеркала, словно боясь встретиться с собственным отражением в этот щекотливый миг.

Настя на мгновение задумалась, ее профессиональный взгляд скользнул от моего лица к плечам, оценивая композицию. И в ее глазах мелькнуло понимание.

— На правом, — уверенно заключила она. — Пион большой и яркий, он станет мощным фокусом. Если мы поместим его на левом плече, он будет притягивать взгляд прямо к... — она сделала небольшую тактичную паузу, воздух в ателье на секунду застыл, — к левой стороне. А нам это не нужно. На правом — он уравновесит силуэт и отведет внимание. А твои шрамы...

Она не договорила, но я все поняла… Фраза повисла в тишине, не раня, а скорее заключая негласный договор.

Ее слова были не просто утешением, а четким стратеги-

ческим планом. Она не говорила, что шрамов нет или их не видно. Она предлагала искусное решение, как с ними жить и чувствовать себя при этом невероятно.

— Хорошо, Настя, — я выдохнула, чувствуя, как камень тревоги понемногу откатывался. Воздух снова пошел в легкие. — Я тебе доверяю.

Я поймала свое отражение в зеркале и скептически закатила глаза, мысленно посмеиваясь над собственной суетностью. Идеальных людей не бывает. И я не исключение. Но сейчас, в этом платье и с этим цветком, я чувствовала себя защищенной. Почти загадочной. Как будто на меня надели не просто наряд, а вторую кожу — более красивую и вселяющую уверенность.

Вскоре примерка подошла к концу.

— Марго, снимай осторожно. Сбоку я оставила пару булавок. Это мои наметки для коррекции, — предупредила она.

Я двигалась медленно и аккуратно, боясь повредить хрупкую ткань и надежды, что в ней заключались.

— Напомни, когда у тебя мероприятие? — крикнула Настя из-за своей рабочей стойки, заваленной рулонами тканей, пахнущими новизной и возможностями.

— Третьего февраля.

— Хорошо, моя прекрасная! Двадцать пятого января постараюсь все подготовить, — пообещала она, и ее слова отозвались во мне теплым, нежным трепетом. Таким непривычным. Таким забытым. Чувством легкости, женственности и чего-то другого, давно мной не испытываемого.

Я попрощалась и вышла из ателье. Плотная дверь захлопнулась, отсекая уютный мирок, пахнущий тканями и надеждой. А на улице меня накрыла волна воспоминаний о прошлой жизни, резкая и холодная, как порыв январского ветра.

Глава 2. Вызов

Я устроилась в кресле своего автомобиля, все еще ощущая на коже призрачное касание шелка, и тут же наступившую тишину разорвал телефонный звонок. На экране высветилось имя Кати, специалиста по документационному обеспечению. Все ее в банке называли по-простому: секретарь. Поднесла трубку к уху.

— Маргарита Александровна, добрый день, — голос секретаря был сладким и безэмоциональным, словно синтезированным.

— Добрый, — мой ответ прозвучал собранно. Я вся превратилась в слух. Пальцы непроизвольно сжали руль.

— В пятнадцать часов состоится собрание начальников в кабинете Петра Сергеевича. Постарайтесь не опаздывать.

Фраза про опоздание повисла в воздухе, будто легкий укол.

«Когда я вообще опаздывала?» — промелькнуло у меня в голове с резким, почти обжигающим возмущением.

Завела машину, бросила взгляд на часы. До встречи еще есть время. Примерка платья прошла куда быстрее, чем я планировала. Двигатель заурчал, подчиняясь нажатию педали. Внутри что-то екнуло, поселилось смутное предчувствие неприятностей.

Ровно в три все начальники отделов уже сидели в просторном, строгом кабинете директора. Воздух был прохладен, и пахло дорогой древесиной и скрытым напряжением. Петр Сергеевич возглавил наш банк полгода назад. Его прислали в наш провинциальный филиал из столицы — перспективного «тяжеловеса», чтобы встряхнуть застоявшуюся рутину.

Он говорил об итогах года, строил планы. Задачи были озвучены четко: рост показателей любыми средствами. Его голос был выверенным, отточенным, лишенным эмоций.

И под конец его тяжелый и цепкий взгляд остановился на мне.

— Маргарита Александровна, в центральном офисе объявлен конкурс на позицию руководителя ревизионного отде-

ла. Решили найти своего человека среди филиалов, — его голос был ровным. Воцарившаяся тишина привнесла напряжения. — Все детали я отправил на вашу почту. Ознакомьтесь. Жду вашего решения в течение трех рабочих дней, — он кивнул мне. Жест был формально одобрительным, но в его глазах читался вызов, ясный и недвусмысленный.

Я переваривала новость, чувствуя, как внутри все сжималось. Головокружительная перспектива. Шанс вырваться из тесного мирка, где у меня в подчинении всего четыре человека. Я знала: я способна на большее. Но «больше» — это управление всеми подразделениями, новая высота, от одной мысли о которой накрывала волна страха, смешанного с адреналином. Я почувствовала, как подскочило давление, и сделала глубокий вдох, наполняя легкие воздухом, густо замешанным на ароматах дорогих парфюмов и скрытого напряжения.

— На этом собрание окончено. Приступайте к обязанностям. А вас, Маргарита Александровна, попрошу задержаться.

Коллеги зашуршали, покидая кабинет. Наталия Викторовна, начальник расчетно-кассового отдела, поймав мой взгляд, подмигнула мне. Я же осталась сидеть, всем нутром чувствуя, что разговор предстоит не о работе. Желание ис-

чезнуть, раствориться в толпе уходящих было почти физическим. По спине пробежал холодок, ладони стали ледяными и влажными.

Пока кабинет пустел, я приняла оборонительную позу: расстегнула пиджак, закинула ногу на ногу и уперлась локтем в колено, подперев подбородок. Открыто, немного вызывающе. Я демонстрировала готовность к диалогу на своих условиях. Массивный стол служил надежной преградой между мной и руководителем.

— Маргарита, — начал он, когда дверь закрылась за последним сотрудником. Он наклонил голову, а его взгляд, медленный и оценивающий, скользнул по мне сверху вниз. — Я надеюсь, мы сможем продолжить наше общение за пределами банка.

— Не могу сказать, что это предложение стало неожиданностью, — парировала я, не отводя глаз. — Но я не могу его принять. Учитывая ваш статус. Статус женатого мужчины.

— О как, — он усмехнулся, и в его глазах вспыхнул азартный огонь. — А на корпоративе вы держались не так уж строго. Не слишком чтили семейные ценности.

Проклятый корпоратив. Мысленно я выругалась. Вернуть все назад, я бы ни за что не села рядом с ним, не пришла бы вовсе… Память услужливо подкинула обрывки: смех, блики

в бокале, его голос слишком близко.

— В этом виноват коньяк, который вы мне так усердно подливали, — я откинулась на спинку стула, раскрыв ладони. Голос звучал легко. — Полагаю, таков был ваш план?

— Со мной еще никто не разговаривал так дерзко, — он усмехнулся, и в его ухмылке сквозило странное одобрение. — Не зря же вас здесь за глаза зовут «Гитлером».

Я лишь едва заметно приподняла бровь.

— Если хотели задеть, не вышло. Я прекрасно знаю, как меня называют. И не зря уже три года руковожу ревизионным отделом. Напомню, ваша предшественница была женщиной. И свою должность я получила не через постель, — я позволила улыбке тронуть губы, сохраняя в голосе легкий, двусмысленный подтекст, — а благодаря принципиальности, неподкупности и жесткости.

— Да, мне нравится ваша натура, не скрою. Вы отличный руководитель с безупречной репутацией и сильным стержнем. Признаю, вы первый мой подчиненный, кто не лебезит и выдерживает мое руководство.

Я кивнула в знак согласия, не меняя выражения лица. Внутри же все превратилось в ледяной, тяжелый ком. Сердце стучало глухо, как молоток, забивающий гвоздь в крышку гроба моей репутации.

— Прекрасные качества, — его голос внезапно стал тихим, почти интимным и оттого еще более опасным. Он откинулся в кресле, сложив пальцы домиком. — Но знаете, Маргарита, даже у самого прочного стержня бывают трещины. Их всегда видно, если знать, куда смотреть.

Озноб прокатился по телу, леденящим обручем сдавил ребра. «Трещины». Он не просто намекал. Он что-то знал? О том полугодии десять лет назад, что я пыталась вычеркнуть из жизни? Скрыв… Нет, об этом нельзя было думать. Не сейчас. Кровь отхлынула от лица, оставив кожу холодной и натянутой.

— Надеюсь, в ходе нашей дальнейшей работы мы не обнаружим таких… трещин, — прозвучал мой голос, ровный и холодный, хотя внутри все кричало от напряжения. Я поднялась по-прежнему излучая уверенной, но теперь это была не броня, а маска, выточенная изо льда.

— О, я уверен, что обнаружим, — его улыбка расползлась, и в ней читался неподдельный азарт охотника, уловившего сладкий запах страха. — Это сделает нашу игру куда интереснее. На этом все, Маргарита Александровна. Жду вашего решения. Подумайте хорошенько.

Выйдя из кабинета, я поймала на себе взгляды сотрудни-

ков. Сейчас они казались мне не взорами подчиненных и персонала, а взглядами посвященных, наблюдающих за хорошо отрепетированным спектаклем. Все в банке знали репутацию Петра Сергеевича. И теперь каждый гадал, соглашусь ли я играть отведенную мне роль.

Самое отвратительное было в этой двойной игре. Он смешал деловое предложение с намеком, карьеру — с комплиментом, поставив меня в положение, где любой мой ответ можно было истолковать против меня. Чистейшая, циничная игра на моей репутации. И у меня был секрет, который делал эту игру смертельно опасной. Секрет, который нельзя было раскрывать. Никогда.

Я вошла в свой кабинет, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Ладони были влажными, сердце колотилось где-то в горле. Кончики пальцев сами нашли на левой щеке шероховатость — след, который я научилась так искусно скрывать под слоем тонального крема и свисающими прядями волос. Прикосновение было острым, как укол.

Это была не единственная метка. Главная из них была внутри. Не шрам, а трещина. Глухая, давно затянувшаяся, но от этого не менее опасная. Она была частью меня, и я научилась с ней жить так, чтобы никто не догадался. Никто. Но сегодня под его тяжелым взглядом мне впервые показа-

лось, что эта старая трещина внутри хрустнула. Как тонкий лед под тяжестью.

Я сделала еще один глубокий, судорожный вдох и выпрямилась, оттолкнувшись от двери. Страх был знакомым, почти родным. Я умела с ним жить. Более того, я научилась им править. Он был моим топливом, моим мрачным двигателем.

Глава 3. Золотые наручники

Придя в себя после собрания и разговора с Петром Сергеевичем, я с азартом и жгучим любопытством открыла почту, чтобы изучить условия конкурса.

Прочтя письмо, я откинулась на спинку кресла. В кабинете стояла гулкая тишина, нарушаемая лишь мерным тиканьем настенных часов. Сложный. Очень сложный конкурс. Ну еще бы! Главный трофей — кресло начальника отдела в областном центре. Допустим, я соглашусь. Если не выиграю, то формально это будет плюсом в активе — ценный опыт. Но как я буду выглядеть в глазах подчиненных? Я — женщина-лидер, привыкшая побеждать. А тут публичное поражение? Нет, я не могу себе этого позволить. Не могу себе позволить опозориться.

А если выиграю? Для моего портфолио это будет важнейшей регалией. Но это значит переезд. Столица области, новые перспективы, карьерный взлет. Инфраструктура получше, развлечений для детей больше. Сама мысль о переезде зажигала во мне искру азарта. Но тут же накатывала холодная волна бытовых страхов. А квартира? Снова влезать в ипотеку? Снова эта бешеная гонка, снова ущемлять себя и детей, отказывая в мелочах? Я терпеть не могу долги. Последние пару лет я наконец-то начала дышать полной грудью, постепенно привыкая к жизни, где ты никому не должен. Все потихоньку устаканилось. Мы с детьми и мамой съездили в первое за долгое время большое путешествие. И я наконец почувствовала, что значит отпуск без оглядки на ценники. Все включено — это другой уровень, не тот привычный южный отдых дикарями, где экономишь на всем, лишь бы детей к морю свозить.

Я планировала наконец заняться лицом, убрать эти шрамы. Все это требует огромных денег. А тут снова на несколько лет забыть о своих желаниях. Боже… Какой сложный выбор. В голове, словно на ринге, сошлись два противника: амбиции и покой, и оба били ниже пояса, скручивая живот от волнения.

Мои размышления прервал легкий стук, и в кабинет впорхнула Наташа.

— Маргариточка Александровна! — ее голос звенел, как колокольчик. — Ты время видела? Пора пить чай!

— Да, давай, — я с облегчением оторвалась от экрана. Монитор погас, оставив в глазах светящийся след. — Ты очень вовремя. Мне надо поговорить, — произнесла я, и в моем голосе прозвучала такая усталость, что ее улыбка сразу померкла.

— Ты про Петра Сергеевича? — ее лицо снова расплылось в хитрой, заговорщической улыбке.

— Наташ, — я перебила ее резко и окатила ледяным, пронизывающим взглядом. — Нет. Забудь. Если тебе так интересно, было ли что-то, то нет. Он отвез меня домой, за что я ему благодарна. А вот тебе выговор. Какого черта ты меня оставила на корпоративе у барной стойки и не вернулась? — мой взгляд стал твердым и осуждающим, не оставляя пространства для шуток. Воздух между нами наэлектризовался.

— Умеешь ты навязать чувство вины, — Наташа смущенно опустила глаза. — Извини. Вы так мило беседовали, что я была спокойна и пошла веселиться с другими. А когда очухалась, ты была уже не в форме, и Петр Сергеевич меня тогда отстранил, заверив, что сам отвезет тебя домой.

— Вот и отвез.

— Поняла, поняла, больше не пристаю, — Наташа подняла руки в жесте капитуляции. Ее веселость схлынула, как вода.

— Я хочу поговорить с тобой… о переезде.

— Каком переезде? — Наташа замерла, ее лицо вытянулось от изумления. — Я что-то пропустила?

— Да нет же, — я раздраженно взмахнула рукой. — Я про конкурс.

— Боже, конкурс… — она наморщила лоб, силясь уловить связь. — А при чем тут переезд?

— Наташ! — я всплеснула руками. — Ты вообще слушала на собрании? Главный трофей — это должность начальника отдела в областном центре!

— Марго, Петр Сергеевич так на тебя смотрел, что я наблюдала за вами и пропустила всю информацию про конкурс, — призналась она без тени раскаяния.

— Да угомонись ты! — я с раздражением закатила глаза. — Ладно, тащи в мой кабинет свои вкусняшки, я пока поставлю чайник. Хочу обсудить это здесь.

Мы пили чай, и я делилась с Наташей своими страхами. Она моя близкая знакомая, ну или корпоративный друг. Мы пришли в банк почти одновременно, поднимались с самых низов и прошли этот путь вместе — от испуганных девочек у терминалов до начальников отделов. Хоть мы и дружим, но часто наше общение не переходит за пределы стен банка. Многое из личной жизни она про меня не знает. Я стараюсь держать дистанцию. Хотя она не раз просилась мне в подруги и даже обижалась на то, что наши отношения не переходили

в более близкие.

— Понимаешь, я только начала жить свободно. Быт наладился, а тут этот конкурс…

— Ну так не участвуй, — перебив, ответила Наташа.

— Ты же меня знаешь, — я усмехнулась. — Как только услышала о нем, во мне сразу проснулся азарт. Захотелось победить.

— Допустим, ты выиграешь и переедешь. Чего ты боишься? Я вижу сплошные перспективы. Дети взрослые, мужа нет — не нужно решать проблему его трудоустройства.

— Квартира, — тоскливо напомнила я.

— А что с квартирой? У тебя шикарная трешка без ипотеки. Продашь ее здесь и купишь там другую. Думаю, двушку в старой планировке ты потянешь без кредита.

— Я уже переживаю не за финансовую свободу, а за свободу квадратных метров! — воскликнула я, разводя руками. — Какая двушка, Натали? У меня разнополые подростки и мать! И я уже не уживусь с ними в одной комнате, как бы сильно я их ни любила. Жилье в областном центре дороже.

Мне придется брать ипотеку. А ставки сейчас бешеные.

— Ну, подожди, — Наташа сделала многозначительную паузу. — В нашем банке ведь существуют корпоративные кредиты. Процент там ниже. Но есть и минусы. Это как золотые наручники. Если уволишься по собственному желанию, льготные условия сгорят и ставка тут же подскочит до рыночной.

— Ого, — я непроизвольно округлила глаза. — А я и не знала о такой привилегии.

— Как не знала? — Наталия подняла брови, не скрывая удивления. — А как ты себе сейчас машину купила?

— Я купила ее за наличные, — ответила я с легким смущением, даже, пожалуй, со стыдливой неловкостью от своих возможностей.

— За наличку? — Наташа рассмеялась. — Вот это ты меня удивила! Откуда у тебя столько денег?

— Я сдала старый автомобиль по трейд-ин и получила хорошую скидку. Плюс у меня были накопления. Ипотеку я закрыла три года назад, вот и откладывала часть зарплаты. Да и машина хоть и новая, но с пробегом — с тест-драйва. Она в отличном состоянии, а разница в цене чувствительная. Ну и… мама мне немного помогла.

— Вот это ты молодец! — снова рассмеялась Наталия. — Люди, бывает, хвастаются новой машиной, взятой в кредит, а ты, скромница, купила и хоть бы слово кому сказала!

— Мне просто повезло, — я пожала плечами, стараясь

свести все к удачному стечению обстоятельств. — Каким-то образом попала на распродажу авто с тест-драйвов.

Наташа замолчала и принялась пить чай, погруженная в свои мысли. Моя новость, кажется, озадачила ее настолько, что вопросы о Петре Сергеевиче отошли на второй план. Она всегда немного ревновала к моей самостоятельности, к этой способности добиваться целей. На мгновение ее глаза остановились на моем кроссовере за окном, и в ее взгляде мелькнуло что-то острое, почти болезненное. Она тут же отвернулась, слишком резко поставила чашку на стол, и блюдце звякнуло громче, чем ожидалось.

— Хорошая машина, — сказала она, не глядя на меня. И добавила уже себе под нос: — У некоторых...

Ее жизнь была устроена иначе: надежный муж, четкий план, разделенные обязанности. Моя же стойкость, вынужденная и закаленная в одиночку, иногда вызывала в ней невольное восхищение, смешанное с легкой досадой. Будто я своим примером подсвечиваю несовершенство ее собственного, казалось бы, идеального выбора. Наш чай остывал в тишине, ставшей вдруг неловкой.

— Знаешь, что я думаю? — наконец сказала она, ставя чашку. — Ты справишься. Сто процентов, — она вытяну-

лась, как струна, и подняла руку вверх, словно демонстрируя мое величие. — Потому что ты — Маргарита Александровна! Да и сама подумай, так ли страшны эти «золотые наручники»? Это не те проценты, которые ты выплачивала по прошлой ипотеке. Да и стартовый капитал у тебя весомее будет за счет продажи своей квартиры. Справишься! — уверенно и воодушевленно кивнула Натали.

Она ушла, оставив меня наедине с тишиной кабинета и двумя равно волнующими перспективами: остаться здесь, в безопасности, но и в застое, где каждый день будет напоминанием об упущенном шансе. Или прыгнуть в неизвестность… Словно с обрыва в туман.

Я подошла к окну. Внизу, в сером дворе, коротали свой век привычные автомобили служащих. Среди них стоял мой кроссовер, купленный на собственные, честно заработанные деньги. Символ победы и свободы. Каждый раз, садясь за руль, я чувствовала не запах новизны, а вкус этой самой победы. Победы над обстоятельствами, о которых здесь никто не знал и не должен был знать.

— Я справлюсь, — тихо сказала я сама себе.

Я прикоснулась ладонью к холодному стеклу. Отпечаток пальца тут же затуманился, растворился. Внутренняя дрожь, что пряталась под ребрами, тоже куда-то ушла. «Золотые на-

ручники»… Фраза Наташи висела в воздухе. Сами они сверкали в воображении, обещая блеск карьеры и признание. Но и холод металла ощущался кожей.

Я отошла от окна. Время для размышлений заканчивалось. Впереди были три дня на решение. Три дня, чтобы выбрать между безопасной крепостью настоящего и рискованной высотой будущего.

А пока нужно доделать отчет. Я села за стол, открыла документ на компьютере. Курсор ритмично мигал, будто отсчитывая время в пустом документе, но теперь это мигание было похоже не на немой вопрос, а на отсчет. Отсчет времени до старта.

Глава 4. Тылы

После разговора с Наташей я возвращалась домой, и на ситуацию с переездом уже смотрела с осторожным облегчением. Да, скорее всего, я справлюсь с новой ипотекой — не так все критично. Да и зарплата начальника отдела в облцентре куда выше. Теперь осталось поговорить с детьми и мамой. Без их поддержки я не могла принять окончательное решение. Пропустив тренировку, я решила устроить семейный ужин, чтобы обсудить все важное.

Зашла домой, разделась. Дети были дома. Дочка тут же подбежала поздороваться — у нее прекрасное настроение, и это придало мне уверенности. Сын Егор, не отрываясь от монитора, лишь поднял руку в немом приветствии, весь уйдя в виртуальное сражение.

Я заказала пиццу и домочадцы сразу поняли: намечается серьезный разговор. Так у нас заведено: пицца — предвестник обсуждения важных семейных тем. Запах расплавленного сыра и оливок заполнил кухню, создавая ложное ощущение праздника.

После ужина я рассказала им о карьерной перспективе. И разговор сразу же стал жарким. Воздух словно накалился.

— Мам, зачем тебе это надо? — с раздражением в голосе начала Лиза. — Ну все же хорошо. Мы только жить нормально начали, а ты снова лезешь в какие-то трудности.

— А мне вообще все равно, — равнодушно произнес Егор, не глядя на меня. — Хоть тут, хоть там. Вы, главное, сообщите мне заранее, когда переезжать, — с этими словами он с полным безразличием поднялся из-за стола и направился к компьютеру. — Маргоша, милая, — мама посмотрела на меня своими всегда мудрыми и спокойными глазами. — А как же я оставлю свою дачу? Я не против твоего роста. Развивайся, расти. Ты еще очень молода и прекрасна. Пока

в тебе есть запал и огонь, двигайся вперед. Но я уже не стану никуда переезжать. Закончу свой век в своем городке, — ее голос был тихим, но в нем звучала незыблемая, как гранит, решимость.

— Мама, как? — в моем голосе прозвучала неподдельная тревога. — Как я без тебя? Мне первое время так понадобится помощь и с детьми, и с жильем…

— Ой, милая моя, вот за это не переживай, — она нежно взяла меня за руку, и в ее прикосновении была вся сила ее поддержки. — Я вас не брошу. Буду с вами столько, сколько нужно — хоть наездами, хоть подолгу поживу. Но свой город, своих пенсионеров-дачников я уже не оставлю.

От ее слов по моему телу разлилось долгожданное тепло, и внутри, как факел, вспыхнула надежда на перспективный рост. И самое любимое — дух соперничества воспрял во мне с новой силой. Но где-то глубоко, в самом низу живота, защемило: это все равно было прощание с какой-то частью жизни.

— Ну нет, вы меня совсем не собираетесь слушать! — возмущенно и с обидой прозвучал голос Лизы. — А как же я? Меня вы слышать вообще не собираетесь?

— Конечно, Лиз, — я, ошарашенная ее реакцией, смотрела на дочь в ожидании продолжения. — Что именно тебя пугает?

— Все, мама! Все! — она скрестила руки на груди, откинулась на спинку стула и уставилась на меня из-под челки, переполненная протестом. — Новая школа, новые одноклассники, друзья… А как же мой кружок по электрогитаре? — ее голос задрожал, выдав детскую уязвимость.

Я подошла и обняла дочь, чувствуя, как ее плечи остаются напряженными. От нее пахло недорогим парфюмом с запахом карамели.

— Ты мой ангел, любимая моя, я так тебя понимаю, — тихо сказала я. — Да, люди так устроены — боятся перемен. Потому что там, впереди, неизвестность. А неизвестность пугает больше всего. Но тебе уже тринадцать, и скоро тебе все равно придется прощаться с одноклассниками, поступая в вуз. А в областном центре гораздо больше перспектив для поступления. И еще… Ты невероятно талантливая девочка. Я постараюсь устроить тебя не в обычную школу, а в гимназию искусств. Здесь у тебя нет такой возможности для развития твоих музыкальных способностей. А после гимназии перед тобой будут открыты двери лучших университетов. Уровень подготовки там совсем другой. Понимаешь, милая?

— Но… Но я не хочу прощаться с друзьями. И вообще, я в этом классе лидер, староста и не хочу уезжать отсюда. Это мое окончательное решение, — Лиза, демонстративно

оттолкнув тарелку с пиццей и громко выдвинув из-под себя стул, добавила: — И пицца у вас сегодня не вкусная.

— А кто говорит о прощании? — вовремя вмешалась мама, останавливая Лизу. — Вы будете приезжать ко мне на каникулы. Никто не заставляет тебя прекращать общение. И думай шире. Вполне возможно, твои нынешние друзья тоже переедут в облцентр после школы.

Дочь отвернулась, все так же крепко скрестив руки, и ее голос дрогнул от обиды.

— Да… блин, бабуль, — Лиза постепенно расслабила руки, ее поза смягчилась, и она подняла на нас свой еще обиженный, но уже задумчивый взгляд.

— Мама, а как же путешествия? — уже менее резким, но все еще настороженным тоном спросила дочь. — Ты же обещала, что мы каждый год будем объезжать весь мир. Мы только в Китай съездили, а ты обещала весь мир показать.

— Да, Лиз, мы продолжим путешествовать, — я объяснила ей про льготную корпоративную ипотеку и хороший первоначальный взнос от продажи нашей квартиры. — Правда, в первый год переезда я не могу ничего обещать. Не всегда все идет по плану. И мы не знаем, как быстро продастся наша квартира.

— Вот именно, все всегда идет не по плану! И сейчас твой переезд не по плану! — обиженная Лиза ушла в свою ком-

нату, закрыв дверь, так и не дав договорить о перспективах. Удар дверью прозвучал как точка в дискуссии.

Мои дети — мои ангелы. Воспитанные не идеально, но невероятно чуткие. Они — моя жизнь, мое дыхание. Я бесконечно благодарна за них. Все, чего я достигла, — все ради них. Без них меня бы просто не было. Но сейчас Лизин страх стал еще одной тяжелой гирей на чаше весов «против». Переезд, ипотека, разлука с мамой, сопротивление дочери... А что взамен? Призрачная карьера в городе, где я никому не нужна? И эта игра с Петром Сергеевичем, где на кону моя репутация. Мысли метались, как птицы в клетке.

— Не решай сегодня, Маргоша, — тихо сказала мама, будто зная, о чем я думаю. — Утро вечера мудренее. Поспи, успокойся. Детей я подготовлю, ты не волнуйся. Но делай только так, как сердце подсказывает. Не ради страха, не ради долга, ради себя.

Я кивнула, не в силах говорить. Мамин тыл обеспечен, но детские страхи не развеялись, они вросли в мое собственное смятение. На смену решимости пришли подавленность и раздражение. Усталость накатила тяжелой волной, смывая весь боевой настрой.

Я легла спать, но сон не шел. Два варианта: безопасная,

налаженная, привычная жизнь или рискованная свобода с высокой ценой. И ни один из них не выглядел как победа. Решение, которое должно было стать триумфом воли, обернулось мучительной дилеммой. Я не знала, что выберу. И в этой неизвестности таился неуютный, мучительный ужас выбора.

Глава 5. Ответный ход

Утром я пришла на работу с тяжелой головой и кашей в мыслях. Решение не созрело. Оно висело где-то между «да» и «нет», не находя опоры. Словно маятник, застывший в мертвой точке. Завтра — последний день на размышления. Нужно было идти к Петру Сергеевичу и либо соглашаться, либо отказываться. Но я не могла ни того ни другого.

Вместо ясности во мне кипели страсти: злость на его наглость, страх за будущее детей, азарт из-за вызова и отчаяние из-за тупика. Я сидела в кабинете, уставившись в экран с пустым бланком ответа на конкурс. Курсор мигал, словно насмехаясь над моей нерешительностью.

В дверь постучали, и на пороге появилась секретарша. В руках у нее была пачка документов.

— Маргарита Александровна, доброе утро. Ваша утренняя корреспонденция. Принесла новый журнал «Наш банк»

и документы на ознакомление, — ее голос, как всегда, был услужливым и безличным. Она положила папку с документами на край стола.

— Спасибо, Екатерина, — кивнула я, машинально взяв папку. — Оставьте, я посмотрю.

Она сделала шаг к двери, но задержалась, будто что-то вспомнила. Обернулась, и на ее обычно бесстрастном лице промелькнула тень неуверенности.

— Маргарита Александровна, простите, что не по делу… Но… вы уже приняли решение? Насчет конкурса?

— Почему вы спрашиваете? — ушла от ответа я, откладывая папку.

Катя покраснела, ее пальцы нервно переплелись.

— Просто… я очень надеюсь, что вы согласитесь. Это было бы так здорово для всех.

— «Для всех»? — я прищурилась, чувствуя, что в ее словах скрывалось что-то важное. — Конкурс — дело индивидуальное, Катя. Это мое личное решение и мои риски.

— Ну да, конечно! — она закивала с неестественной живостью. — Но вы же представляете, какой это престиж для нашего филиала! И… — она понизила голос до конфиденциального шепота: — Если кандидат от нашего филиала победит, это же огромный бонус для всего руководящего состава! Премии, возможно, даже повышения… Петр Сергее-

вич так рассчитывает на это. Он даже говорил, что это его главный KPI на этот год. Шанс проявить себя перед головным офисом.

Она говорила, полная энтузиазма, не замечая, как мое лицо каменело с каждым ее словом.

«Главный KPI». «Бонус для всего руководства». «Рассчитывает на это».

Кусочки мозаики, разбросанные в моей голове, вдруг сложились в четкую, безжалостно логичную картину. Все встало на свои места. Его настойчивость, этот флирт, этот «интерес»… Это был не личный выбор. Это был кадровый аудит, где я значилась не человеком, а высокопотенциальной единицей. Он оценивал не женщину, а инструмент для выполнения плана. Премиальный, эффективный, многофункциональный. Меня будто окатили ледяной водой.

По спине пробежал холодок, а за ним волна почти физической тошноты. Он думал, что может включить меня в свою схему как человеческий ресурс, пригодный и для работы, и для поддержания тонуса. А я со всеми своими страхами, сомнениями, с болью детей и маминой дачей была для него всего лишь цифрой в квартальном отчете, которую нужно правильно мотивировать.

— Катя, — перебила я ее, и мой голос прозвучал тихо, но

с таким металлом, что она вздрогнула, — вы очень проинформированы.

— Ой, да что вы… — она смутилась, осознав, что сказала лишнее. — Это все общие разговоры в приемной… Я, пожалуй, пойду.

Она почти выбежала из кабинета.

Я осталась одна. Гнев кипел во мне, выжигая остатки сомнений. Он превратил мою возможную победу в инструмент для своего обогащения? Хочет использовать меня как ступеньку? Во рту был горький привкус оскорбления и одновременно — чистой, холодной ясности.

Отлично.

Пусть попробует.

Решение пришло не как прозрение, а как приговор. Холодный, железный. Я не просто соглашусь. Я соглашусь, чтобы выиграть. Чтобы взять то, чего он так жаждет, и вырвать это у него из рук. Чтобы его личный KPI, его премия, его карьерный триумф зависели от меня — от женщины, которую он считал пешкой. И в тот миг, когда он будет праздновать победу, он поймет, что это не его победа. Это моя. И он обязан ею мне. План выкристаллизовался мгновенно, с алмазной твердостью.

Я резко встала. Все тело было напряжено, как тетива. Страх испарился. Осталась только ясная, холодная цель и адреналин, жгущий кровь. Пальцы сами сжались в кулаки, ногти впились в ладони.

Я направилась в кабинет Петра Сергеевича. Не для того, чтобы просить или оправдываться. А для того, чтобы объявить о своем вступлении в игру. Его игру. По моим правилам.

Постучала и, не дожидаясь ответа, вошла. Петр Сергеевич посмотрел на меня с удивлением.

— Разрешите войти, Петр Сергеевич? — произнесла я официальным, выверенным до полутона голосом.

— Вы уже вошли, — его лицо расплылось в улыбке, в которой читались и интерес, и предвкушение. — Неужели, Маргарита Александровна, вы поразмыслили над моим предложением и пришли порадовать меня положительным ответом? — в его голосе звучала ухмылка, он даже не пытался скрыть жадное желание обладать и победить.

Я поймала этот заряженный взгляд и парировала, подхватывая его игру:

— Конечно, я приняла положительное решение.

Он замер. Видимо, столь быстрая и прямая капитуляция его оглушила.

— Э-э… — Петр Сергеевич в недоумении от столь стремительной победы заметно потерялся.

Я наклонилась чуть вперед, упираясь ладонями в его массивный стол, и расплылась в широкой, почти дерзкой улыбке.

— Я приняла положительное решение относительно конкурса, конечно.

— А-а, да… — его голос стал тише, он все еще не мог собраться с мыслями. — Это… вы приняли хорошее решение. В таком случае не задерживаю вас, Маргарита Александровна. О вашем решении я сообщу в головной офис.

Выходя из кабинета, я чувствовала сладкий, неосязаемый вкус предстоящей победы. Игра началась. И она началась на моих условиях, о которых Петр Сергеевич еще не знал. Вернувшись к себе, я обнаружила на почте соглашение на участие в конкурсе от Петра Сергеевича.

Ознакомившись, я с чувством полного удовлетворения и азартом от предстоящей битвы приступила к подготовке. Меня накрыла волна волнения и жажды победы. И вдруг я осознала: мне срочно необходим новый пиджак. Нет! Мне нужен костюм. «Да, именно так!» — уверенно пронеслось у

меня в голове. Я набрала Настю.

— Настя, привет, — говорила я торопливо. — Мне срочно нужно сшить деловой костюм: пиджак и брюки.

— Костюм? — она произнесла это растерянно и задумчиво. — А как срочно?

— Еще вчера, — смеялась я в трубку. — У тебя будет возможность принять заказ в ближайшее время? Он мне жизненно необходим. Сильнее и важнее, чем платье.

— Да… — тянула она задумчиво, а затем бодро добавила: — Боже, что случилось и к чему такая спешка? — в ее голосе сквозило неподдельное любопытство.

— Давай я к тебе сегодня после работы заеду, и мы все обсудим, — как обычно, деловым и невозмутимым тоном предложила я.

— Хорошо, сегодня в шесть вечера буду ждать.

Я положила телефон на стол, откинула голову назад, смотрела в потолок и погружалась в мысли. Но ненадолго. Телефон завибрировал. Сообщение от Петра Сергеевича.

«Маргарита, не скрою своего разочарования твоим утренним визитом. Я все же надеюсь на положительный ответ относительно продолжения наших отношений. Буду ждать тебя сегодня вечером в кафе “Крылья”. Ты же заинтересована в победе в конкурсе. Потому рассмотри мое предложение и

прими правильное решение».

— Вот сука! — не скрывая злости и дикого удивления от его лицемерия и цинизма, я едва не швырнула телефон, сжав его в руке так, что затрещал корпус. Пошел ты, Петр Сергеевич, куда подальше! Выиграть конкурс… Да кем ты себя возомнил?!

Наполненная яростью и решимостью, я с головой ушла в подготовку к первому этапу.

Погруженная в работу, я не заметила, как пролетело время. Практически шесть. Быстро собрала вещи и поехала к Насте.

— Мне нужен костюм. Черный. Пиджак с красной подкладкой. Брюки палаццо, внутри припуски швов обработай косой бейкой красного цвета. Срочно.

— Я поняла тебя, Марго. Сшить успею за неделю. Но заказанные ткани идут примерно столько же. Итого около двух недель.

— Две недели? — переспросила я. — Отлично. Меня устраивает.

— Но тебе придется чаще приходить на примерки.

— Без проблем. Придется пожертвовать обедом или тренировками.

Настя сняла мерки, мы вместе выбрали ткани в интернет-магазине, определились с кроем, и я со спокойной душой собралась домой.

В машине телефон снова завибрировал. Сообщение от Петра Сергеевича… Я смахнула уведомление, не читая. Черт. Вот же влипла. Почему тот корпоратив пошел по его сценарию? Какого хрена я тогда отвечала на его откровенный флирт? Зачем вообще в это ввязалась? Вопросы назойливо стучали в мозгу.

Все было очевидно с первого дня его появления в нашем филиале. Петр Сергеевич, при всей своей респектабельности, был откровенным ловеласом. Статный, подтянутый мужчина за сорок, он носил дорогие костюмы так естественно, словно родился в них. Его седина, тронувшая виски и смешавшаяся с темными волосами, не старила, а добавляла шарма, будто знак прожитой и интересной жизни. Высокий, с широкими плечами и внимательным, пронзительным взглядом, он буквально пожирал глазами каждую молодую сотрудницу, излучая уверенность хищника, знающего себе цену.

И я, безусловно, на мгновение поддалась этому гипнотическому обаянию на корпоративе. Этот пьянящий и одурманивающий вечер… Я дала себе расслабиться. Слишком мно-

го коньяка, слишком мало бдительности. Я на минуту забыла, с кем имею дело, и позволила ему перейти черту профессионального общения. Где были мой пресловутый внутренний радар и мое правило держать дистанцию? Боже… Стыд жег изнутри, протыкая мою совесть, как раскаленная игла.

Я грызла себя, сидя в своей машине. Как я могла так опозориться перед коллегами? Небось, теперь шепчутся за спиной.

— Черт! Черт! — проговорила я вслух. Волны самоедства накатывали одна за другой, бросая меня, словно на качелях, между стыдом и гневом. Я ударила ладонью по рулю, и резкий гудок вырвался наружу, испугав саму меня.

Мой муж мне изменил. Ту дикую, разрывающую душу боль, когда земля уходит из-под ног, я не забуду никогда. Прошло десять лет, боль притупилась. Но я до сих пор помню горький вкус той правды. И я поклялась себе, что никогда и ни за что не буду встречаться с женатым мужчиной. О чем я думала?!

Хватит! Я оборвала внутренний монолог. Глянула на часы: как раз успевала на вечернюю тренировку.

Я поехала в зал, чтобы выплеснуть наружу всю эту злость и подступившую к горлу ненависть к самой себе. Написала родным, что буду поздно.

После развода спорт стал моим спасением. Сначала легкие пробежки, потом зал и железо. Затем побег от самой себя. Проблемы никуда не исчезали, но после хорошей физической нагрузки смотреть на них становилось проще. Тревога отступала, оставляя лишь мышечную усталость и пустоту в голове.

В зале я выложилась по полной. Тренировалась до тех пор, пока мышцы не начало сводить от жгучей усталости. Пусть лучше болит тело, чем душа.

Утром я еле поднялась с кровати. Мышцы, словно закованные в тяжелые доспехи, ныли при каждом движении. М-да… Сегодня я точно не надену каблуки. Иначе походка будет слишком специфической. Я усмехнулась собственным мыслям. Мама всегда говорила: «Утро вечера мудренее». Как всегда, она была права. Физическая боль оказалась конкретной и честной, вытеснив вчерашнюю панику.

За завтраком я продумывала разговор с директором. Нельзя вечно от него бегать. Надо встретиться и расставить все точки над i.

Уже в офисе узнала, что Петр Сергеевич уехал в командировку. Я выдохнула с таким облегчением, будто сбросила с

плеч бетонную плиту. На лице появилась улыбка. Две недели. Целые две недели свободы и передышки от этой нервотрепки.

И я использовала это время на все сто. С головой ушла в работу, дни пролетели незаметно. Помимо подготовки к конкурсу, подняла архив предыдущих проверок, в том числе за период моего прошлого отпуска. Эти документы были мне необходимы. Я привыкла все контролировать лично, а сейчас это требовалось как никогда. К тому же бумаги могли стать ключом к пониманию того, что же на самом деле происходило в банке, пока меня не было.

Глава 6. Талисман

Подошел срок сдачи первого этапа конкурса: «Портфолио лидера». От участников требовалось доказать не только профессиональные успехи, но и стратегическое мышление.

Суть была такова: нужно было написать эссе о будущем банковского контроля и подготовить подробный отчет о реальных достижениях — сколько ошибок удалось предотвратить, как прошли проверки, что нового внедрили. Жюри из топ-менеджеров центрального офиса выберет тех, кто пройдет в следующий тур.

Проще говоря, надо было блеснуть умом и подтвердить каждое слово цифрами. Все честно, все на виду.

Я буквально места себе не находила от волнения. Где же Настя с костюмом? Обещала дошить на днях. Ведь завтра защита.

Стоило подумать о Насте, как она мне позвонила. Мы договорились о встрече.

— Ну а теперь, — заявила Настя, когда я переступила порог ее ателье, — давай примерять. Костюм готов, хочу убедиться, что он сидит идеально.

Я надела его и замерла. Черные брюки-палаццо мягко ниспадали, скрывая обувь. Приталенный пиджак с четкой линией плечевого пояса облегал фигуру, подчеркивая талию. А внутри... внутри мерцала подкладка. Не просто красная, а шелковая, гладкая, с глубоким бархатным блеском. Ее не было видно, но, прижав ладонь к груди, я чувствовала ее прохладу и скрытую силу. Костюм был для меня чем-то вроде доспехов.

В этом костюме я будто стала выше. Тверже. Увереннее.

— Я в него влюблена! Настя, ты волшебница!

— Марго, открой секрет, — попросила она, озадаченно глядя на меня. — Почему подкладка именно красная? Ее же

никто не видит. Ты обещала рассказать, когда все будет готово.

— Не видят. Но я знаю, для чего она и что значит.

— И что же значит? — в ее голосе зазвучало неподдельное любопытство.

— Помнишь, что было десять лет назад, когда моя жизнь перевернулась с ног на голову? Я тогда отчаянно билась за право жить. Искала ответы везде: ходила к астрологам, нумерологам, гадалкам... Так вот, одна таролог сказала мне: «Красный — твой цвет. Но если ты будешь выставлять его напоказ, он принесет разрушение. Он должен быть внутри, спрятан от чужих глаз. Тогда он станет твоим благословением и многое сделает достижимым».

Настя смотрела на меня завороженно, с приоткрытым от удивления ртом.

— Я тогда не поверила. Я же Овен, огненный знак, красный мой по праву. Цвет страсти, победы. Как он может быть разрушительным? Но ее слова почему-то врезались в память. Я убрала красный из гардероба. Даже красную помаду, которая чертовски мне идет. В отчаянные времена веришь во что угодно, лишь бы выкарабкаться.

Я рассказала Насте о конкурсе, о должности мечты, о готовности сражаться изо всех сил.

— И в этой битве моим талисманом будет вот этот костюм с секретом. Понимаешь теперь?

— Ого... Вот это история! Прямо мурашки. Я сшила костюм-талисман. Обалдеть, Марго! Надо было сказать сразу, я бы молилась, садясь за машинку!

— Я знаю, Настя, потому и не говорила, — улыбнулась я.

— Боже, как я хочу, чтобы у тебя все получилось. Ты — победитель по жизни, — крепко обняла меня девушка. Ее объятие было теплым и проникновенным, как благословение.

***

Настал день защиты. Надев талисман, я вошла в зал переговоров. Воздух здесь казался другим — стерильным, кондиционированным, лишенным запахов жизни. Катя, секретарь, подготовила все для видеоконференции.

— Удачи вам, Маргарита Александровна, — тихо, со смущением сказала она. — Я очень хочу, чтобы вы победили.

— Спасибо, Катя. Я тоже хочу выиграть этот конкурс, — подняла руку со скрещенными пальцами в знак удачи и защиты.

Через несколько минут на большом экране возникли лица членов жюри — серьезные, отстраненные. Рядом, в отдельных виртуальных окнах, появились и другие участники. Шесть человек, каждый в своем кабинете по всей области.

Мы обменялись кивками. Воздух в зале загустел от напряжения. Тишина стала ощутимой, плотной.

Я выступала последней. Пока другие говорили, волнение накатывало с немыслимой силой, сжимая горло. Но когда на экране высветилось мое имя и ведущий предоставил мне слово, произошло чудо. Я сделала вдох. И зазвучал мой голос — ровный, уверенный, спокойный. Будто говорил кто-то другой, более сильный, чем я. Речь была отрепетирована до автоматизма. Цифры и тезисы выстроились в безупречную логическую цепочку. Я словно вела стратегическую сессию с равными по статусу. Видела, как некоторые члены жюри отложили бумаги и сосредоточились на экране. Один из вице-президентов сделал пометку в блокноте.

Это было не просто выступление. Это была демонстрация силы. Силы знаний, опыта и той самой, скрытой от всех, внутренней огненной уверенности, что жила в красной шелковой подкладке моего пиджака. Я чувствовала ее тепло, словно маленькое солнце, прижатое к сердцу.

Когда я закончила, в эфире повисла секундная тишина, а затем председатель жюри просто кивнул:

— Благодарим вас, Маргарита Александровна. Результаты будут объявлены в течение трех рабочих дней.

Связь прервалась. Я приложила ладонь к груди, туда, где

под тканью пульсировало тепло моего тайного талисмана. Усталость накрыла меня, но это была сладкая усталость, смешанная с чувством победы.

Первый рубеж взят. Хотя я знала, что это всего лишь разминка.

Глава 7. Контрнаступление

Петр Сергеевич вызвал меня к себе на следующий день после объявления результатов.

— Ну что, Маргарита Александровна, поздравляю с успешной защитой, — он откинулся в кресле, потирая указательный палец о подушечку большого, будто нащупывая невидимую грань. Его улыбка была профессиональной, но глаза оценивали, сканировали. — Вы вошли в тройку лидеров. Впечатляюще.

— Ожидаемо. И приятно, — парировала я с легкой уверенной ухмылкой, принимая его игру.

— Ожидаемо? — он приподнял бровь, и в его взгляде мелькнуло что-то острое, заинтересованное. — Маргарита, откуда у вас столько уверенности? Вы продолжаете меня удивлять.

— Все очевидно. Я готовилась. Скрупулезно. В отличие от тех, кто надеялся на удачу или… на покровительство.

В кабинете повисла тягучая, плотная тишина. Он изучал меня, а я выдерживала его взгляд, чувствуя, как красная подкладка пиджака будто излучает тепло, подпитывая мою решимость. Между нами протянулась невидимая нить противостояния.

— Вы знаете, — начал он, его голос внезапно стал тише, интимнее. Он обвел взглядом мой костюм, остановившись на расстегнутой пуговице пиджака. — Вам очень идет эта… собранность. Но при этом вы кажетесь усталой. Вам незачем нести все это в одиночку. Я мог бы стать вашим союзником. Не только в офисе, но и за его пределами.

Он сделал паузу, давая словам впитаться, взгляд скользнул по моей руке, лежащей на столе.

— Петр Сергеевич, — начала я, и мой голос прозвучал так же тихо, но без его сладковатой примеси. Я наклонилась чуть вперед. — А вы, я смотрю, тот еще донжуан. Решили двух зайцев одним выстрелом?

Он замер, улыбка на его лице застыла.

— Я знаю про привилегии и бонусы от победы в конкурсе, — продолжила я, выдерживая темп. — Значит, вы под видом благодетеля пытаетесь мне «помочь», а сами скрыли

факт главного трофея в виде жирных премий для куратора-победителя. Нечестно получается. В самом выигрышном положении остаетесь вы. Даже если я займу не первое, а просто призовое место, ваш бонусный пул все равно сработает. Я ознакомилась с полным регламентом.

Лицо его стал каменным. Исчезла даже тень игривости.

— Откуда? — спросил он абсолютно ровным, холодным тоном. — Кто дал вам информацию?

— В конце финальной сессии я попросила секретаря конкурсной комиссии выслать полный пакет документов, включая раздел о мотивации кураторов, — ответила я так же спокойно. — Зачитать пункт 4.2? Или помните наизусть?

Он молчал несколько секунд, и я видела, как в его глазах шла быстрая, безжалостная переоценка ситуации. Из объекта домогательств я в его глазах превращалась в угрозу. В равного игрока, который знает правила лучше него. В кабинете было прохладно, но по моей спине пробежала струйка пота.

— Не стоит, — наконец произнес он, отводя взгляд к окну.

— Отлично. Тогда давайте не будем портить деловые отношения, — сказала я, смягчая тон, но не сдавая позиций. — Если вы хотите получить свой главный трофей — а я, поверьте, намерена его вам обеспечить, — дайте мне спокойно

работать и продолжить участие в конкурсе. Без… отвлекающих маневров.

Он медленно кивнул, все еще глядя в окно. Его профиль оставался напряженным.

— И, Петр Сергеевич, — добавила я, поднимаясь, — настоятельно рекомендую обратить внимание на вашу секретаршу Екатерину. Она смотрит на вас, как на мужчину мечты. Возможно, вам стоит переключить внимание на того, кто вас оценит по достоинству.

Я повернулась и пошла к двери, чувствуя спиной его взгляд. Тяжелый, колючий взгляд хищника, упустившего свою добычу.

— Маргарита Александровна, — произнес он прежде, чем я перешагнула порог. Я обернулась. Он сидел вполоборота, в его взгляде было холодное, расчетливое любопытство — так смотрят на жертву, у которой внезапно обнаружились когти.

— Вы оказались интереснее, чем я предполагал. Нам придется иметь дело друг с другом. Учтите, я не люблю, когда в мою игру вмешиваются без моего разрешения.

— Все честно, Петр Сергеевич, — ответила я, положив руку на дверную ручку. — Игра идет по правилам. Просто так получилось, что я знаю их не хуже вас.

Я вышла, бесшумно прикрыв дверь. В приемной перехватила настороженный взгляд Кати, но задерживаться не стала — выскользнула в коридор и только там сделала глубокий вдох. Руки слегка дрожали — от осознания, что мосты сожжены и теперь игра идет в открытую. Мой ход сделан. Внутри разгоралась холодная решимость. Контрнаступление началось, отступать некуда. Оставалось только идти вперед, понимая, что к профессиональному интересу начальника добавилось личное желание поставить меня на место. Дорога назад растворилась в длинном, безлюдном коридоре.

Напряжение отступило, оставив после себя странную пустоту. Первый этап конкурса пройден, до следующего — целый месяц. Можно выдохнуть, погрузиться в рутинные обязанности и спокойно подготовиться к поездке на встречу выпускников. На ту самую встречу, которая манила возможностью на несколько дней забыть о банке, начальнике и бесконечной гонке. Побыть просто Марго, забыв об официальном «Маргарита Александровна».

В этом состоянии легкого предвкушения я и обнаружила несоответствие. В отчете о майской проверке отдела корпоративного кредитования, которую провела Полина в мое отсутствие, цифры по одной из статей расходились с текущими данными. Незначительно, на первый взгляд. Но мой глаз, отточенный годами, уловил неувязку.

Я пригласила к себе в кабинет Полину, моего ведущего ревизора. Простую девчонку, мать-одиночку без амбиций, но с твердым внутренним стержнем. Она обожала язык цифр и говорила на нем свободно. Я нашла в ней родственную душу и за годы научила всему, что знала сама. Ей одной я могла доверить свое кресло на время отпуска.

— Полина, присаживайся, — сказала я, когда она вошла, слегка настороженная. — Летом ты провела проверку в отделе корпоративного кредитования. Сейчас пересматриваю документы и вижу несостыковку. Цифры в отчете и текущих ведомостях расходятся. Некритично, но факт.

Лицо Полины стало серьезным, сосредоточенным. Она просто кивнула, принимая к сведению.

— Подготовь, пожалуйста, пояснительную записку. Разберись, откуда расхождение: техническая ошибка, опечатка или что-то еще. Я уезжаю на несколько дней в небольшой отпуск. По приезде жду твой отчет на столе.

— Хорошо, Маргарита Александровна, разберусь, — твердо пообещала она и вышла из кабинета.

Я откинулась на спинку кресла. Впереди были три дня другого воздуха, других лиц, других разговоров. Три дня передышки. А потом возвращение. К конкурсу, к противосто-

янию с Петром Сергеевичем и теперь к этой крошечной, но неприятной загадке в отчете.

Отдых был необходим как воздух. Но я уже знала, что с этой секунды любое спокойствие будет лишь временным. Как пауза между раундами.

Часть II. РАЗГОВОР С ПРОШЛЫМ

Глава 8. Путь в прошлое

Я устроилась в купе еще непрогретого вагона. В ожидании соседей, раскладывая вещи, даже не заметила, как плавно, почти неслышно тронулся поезд. От осознания, что до ближайшей остановки поеду одна, губ коснулась невольная улыбка. Я поймала ее отражение в холодном зеркале на двери.

Переодевшись в мягкий спортивный костюм, достала припасенные сладости: плитку горького шоколада с миндалем и пачку воздушного зефира, — а также книгу в потрепанном переплете. Путь предстоял неблизкий, целых двенадцать часов.

Пройдя по покачивающемуся коридору, я налила себе чай в граненый стакан с никелированным подстаканником. Ва-

гон по мере набора скорости постепенно наполнялся теплом. Вернувшись на нижнюю полку, я прижалась лбом к стеклу. Мимо, словно кадры старой кинопленки, проносились заснеженные поля, темные островки леса, одинокие огоньки деревень. Мелькающий пейзаж медленно погружал в воспоминания.

Десять лет назад я ехала на встречу одноклассников в поселок, где прошло все мое детство и до поступления в вуз в недалеком городке. Тогда я отправилась на своем автомобиле — красной ласточке. Выбор казался очевидным: поезд шел двенадцать часов, а на машине — всего пять.

Собрала детей, крепко пристегнула их в автокреслах, погрузила в багажник чемодан с нарядом, детскую еду, целую гору памперсов и тронулась в путь.

В тот день я будто что-то чувствовала. С самого утра меня не отпускало дикое, сосущее под ложечкой волнение, словно там поселился комок ледяных иголок. Но я была слишком молода и не умела слушать ни интуицию, ни шепот вселенной. Дети капризничали оба как никогда. Обычно их «оркестр» длился считаные минуты. А в тот день они рыдали душераздирающе, навзрыд и не унимались до самого выезда на трассу.

Усадив наконец детей, раздраженная и взвинченная до предела, я завела двигатель. Не успев отъехать от дома, почувствовала крен — спустило колесо. Муж, который был дома, вышел и молча поменял его. Я тогда сказала ему о своем волнении и дурном предчувствии. Он удовлетворенно хмыкнул, будто только что решил за меня сложную задачку, и сказал, что интуиция просто предупредила о спущенном колесе. Я криво улыбнулась, сдерживая раздражение.

Как только я выехала на трассу, дети мгновенно уснули. Я включила свой плейлист. В предвкушении встречи мое настроение улучшилось, а путь показался легче.

И вдруг… Тишина. Абсолютная, оглушающая пустота. Ни гудения двигателя, ни шума шин, ни музыки. Лишь тонкий, звенящий писк в ушах. И снег. Мелкий, белый, как пепел, он медленно оседал на все вокруг.

Первой мыслью было не «Я жива», а «Почему я вижу потолок?». Машина лежала на крыше. Я висела на ремне, словно сломанная кукла. Попытка пошевелиться отозвалась острой, рвущей болью в ребрах, будто внутри перекатывались осколки стекла. Во рту был привкус крови — соленый, медный. Левая сторона лица онемела, а сквозь онемение пробивалось странное ощущение: будто по коже течет что-то теплое. Осколки стекла прочертили на щеке несколь-

ко глубоких царапин от скулы до подбородка, словно кто-то провел когтями. Я попыталась закричать, но из горла вырвался лишь хрип.

Запах бензина разбудил во мне древний первобытный инстинкт. Это был не просто запах: это был запах смерти, холодный и вязкий, заползающий в ноздри, в горло, в самое нутро. Каждый вдох кричал: «Беги!» Но бежать было некуда. Мои дети были здесь.

Я обвела взглядом искореженный салон. Два маленьких комочка в детских креслах. Лиза и Егор. Их рты были раскрыты в беззвучном крике, глаза — огромные, застланные пленкой ужаса и полного непонимания. Я не слышала ни их плача, ни собственного стона. Мир оставался немым, глухим колодцем, залитым этой вязкой, всепроникающей тишиной.

«Двигаться!» — просипел какой-то внутренний голос, голос матери, он сильнее страха, сильнее боли.

Расстегнуть ремень оказалось пыткой. Пальцы скользили по пряжке, не слушались, а каждое движение отдавалось болью, казалось, что огненный кинжал проворачивают в боку. Я рухнула на потолок, ставший полом, ударившись головой о торец сиденья. В глазах помутнело, но я поползла. Не человек — раненое животное, ведомое слепым материнским

инстинктом.

Пространство было искорежено. Металл сомкнулся вокруг, словно скорлупа разбитого яйца. Я пробралась к задней двери, вернее, к тому, что от нее осталось. Первой была Лиза, старшая. Она висела вниз головой, и ее русые волосы ниспадали, касаясь осколков стекла на «полу». Ее пальчики впились в мою руку, когда я дрожащими ладонями начала давить на кнопки ее пятиточечного ремня. Система заклинила. Она не поддавалась. Паника, черная, липкая, удушающая, подкатила к горлу. Я дергала ремни с силой, которой сама от себя не ждала, с молитвой и проклятием на губах. Раздался щелчок — и ремни ослабли. Я вытащила ее, как бесценный трофей, закинула себе на плечо, чувствуя, как дрожало ее маленькое тельце.

Егор. Мой малыш, мой кроха. Его кресло было целее. Я не стала возиться с ремнями, просто с безумной, звериной силой потянула сына на себя. Пластик треснул, Егор был со мной. Я прижала его к груди, чувствуя судорожные удары его крошечного сердца. Обе задние двери были помяты и не открывались. Времени не было. Единственный путь лежал через выбитое стекло.

Мир снова обрел звук, взорвавшись оглушительной какофонией. Первым, что я услышала, был не детский плач, а ти-

хое, зловещее шипение. И звук капель. Они капали из-под искореженного капота. Бензин.

Адреналин ударил в виски, снова даря прилив нечеловеческой силы. «НЕТ!» — закричала я уже не себе, а вселенной, самой судьбе.

Подтолкнув Лизу к проему разбитого стекла, я крикнула ей одно-единственное слово, которое она, казалось, поняла: «Ползи!»

Теперь наружу. Мне удалось вытолкнуть детей. Я оставалась внутри. Главное сделано. Они спасены.

Водительскую дверь перекосило, но не заблокировало наглухо. Упершись спиной в сиденье и ногами в потолок, я из последних сил толкнула ее плечом. Металл поддался со скрежетом, я вывалилась наружу. В это время нас подхватили чьи-то чужие сильные руки. Я не видела лиц, лишь тени и голоса, доносившиеся как сквозь вату: «Живые! Дети! Осторожно!»

Нас оттащили подальше. Сквозь затуманенное сознание я услышала, как позади с шипением и треском вспыхнула машина.

А дальше — провал. Небытие.

***

Невольно я коснулась шрамов на лице. Они пылали от воспоминаний, словно раскаленные нити, вживленные в кожу. В пустом купе я, наконец, позволила себе заплакать. Слезы текли безостановочно, не желая прекращаться.

Неожиданно раздался стук в дверь. Я быстро вытерла лицо. Не люблю, когда меня видят слабой. Открыла. Проводница предупредила о долгой остановке на узловой станции. Наш вагон прицепят к другому поезду.

Стоянка длилась целый час. Я решила прогуляться по вокзалу. Выйдя на перрон, я ощутила прилив теплой, почти осязаемой ностальгии. Она накрыла меня, словно мягкое, знакомое одеяло. В студенчестве, успевая сдать сессию досрочно, я мчалась на вокзал, чтобы успеть на поезд домой. Те несколько дней в отчем доме, с маминой заботой и встречами с одноклассниками, позволяли мне, уже взрослой, снова почувствовать себя ребенком.

Проезжая эту станцию, я всегда выбегала в ближайший киоск за мороженым летом, за лапшой — зимой. А чтобы затянуть прогулку, разглядывала всякое барахло в палатках: фенечки, брелоки, дешевые украшения. И нет-нет да и поку-

пала какую-нибудь безделушку. Для студентки это было маленьким счастьем, смыслом в этих кратких перебежках между мирами.

Сейчас все выглядело иначе. Вокзал преобразился, превратившись в стильный архитектурный объект. Исчезли старые ларьки вдоль путей, уступив место торговым павильонам. Застегнув шубу, я пошла вдоль перрона к путепроводу.

Массивный черный мост, перекинутый через пути, соединял две части городка. Я поднялась на мост и остановилась посередине. Колючий февральский воздух, пропитанный запахом угольной пыли и особым духом железной дороги, бередил память. Вспомнилось, как в юности я безуспешно пыталась пересчитать вагоны проходящего товарняка.

И вот из динамиков объявили посадку.

Я поспешила вернуться в теплый вагон, который после улицы показался особенно уютным. Купе оставалось пустым, и настроение улучшилось. Не люблю попутчиков, вечно рассказывающих о своей тяжелой судьбе.

Глава 9. Свидетель

Поезд тронулся. Дверь купе открылась, и вошел мужчина. Высокий, крепкий, в поношенной куртке, с большим походным рюкзаком за плечами.

— Здравствуйте, — бросил он короткий оценивающий взгляд, отыскивая свое место по билету.

— Здравствуйте, — ответила я и вдруг с изумлением узнала в этом бородатом мужчине Сашку.

— Сашка! — воскликнула и, не сдержав восхищенной улыбки, протянула руки для объятий.

— Э-э… — он застыл в легком ступоре, моргнув.

— Сашка, это я, Марго. Пелевицкая, — назвала я девичью фамилию для узнаваемости.

— Марго?! — он крепко, почти сбив с ног, обнял меня, и мы рассмеялись от неожиданности и неловкости момента.

Он отодвинул меня от себя и стал рассматривать: сначала лицо, потом всю, — с нескрываемым недоумением и восхищением.

— Маргарита. Боже, как ты изменилась. Ты совсем другая.

— Другая, — смущенно опустила я взгляд. А потом, вдохнув полной грудью ту самую позабытую детскую радость, забыла о возрасте, взвизгнула от восторга, подпрыгнула и снова обняла его.

Саша разделся, обустроился, и мы под мерный стук колес приступили к чаепитию, вспоминая наше детство и школьные годы.

— А ты как здесь оказался? Разве не в поселке живешь?

— Да, живу, но уже лет… — он задумчиво закатил глаза к потолку, подсчитывая, — восемь работаю вахтами. Поселок вымирает после закрытия завода. Люди стали разъезжаться. Работы практически не стало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.